

Алексей ВЕСЕЛОВСКИЙ

Чаадаев и французская мысль

(отрывок из книги «Западное влияние в новой русской литературе»)

Но французская мысль и другими своими оттенками привлекала русских людей. Если новейшие течения материализма находили немалый отзвук в рядах передовой молодежи и отразились на верованиях многих декабристов*, то не меньшее, по видимому, влияние приобретал круг религиозных идей, внушаемых цивилизацией католичества. Со времен Петра II, когда благодаря миссионерству Жюбе де Лакура, Ирины Долгоруковой и герцога Лириа** начались среди знати обращения в католицизм, для подобных переходов не было удобнее поры, чем двадцатые годы XIX века. Для группы светской молодежи, увлеченной пропагандой католических миссионеров, самая перемена религии, не обусловленная никаким философским или общественным обновлением, давала удовлетворение религиозному чувству; после первых обращений, вызванных каким-то авантюристом, шевалье Бассинэ д'Огаром, и петербургскими иезуитами, перешли в католичество такие выдающиеся личности, как кн. Зинаида Волконская, впоследствии Ив. Гагарин, Мартынов, госпожа Свечина, которой предстояло сыграть выдающуюся роль в парижском клерикальном мире и сгруппировать таких людей, как Монталамбер, Фаллу и др. Новообращенные довольствовались старым запасом католических идей, но то новое движение в сфере католичества, которое с течением времени должно было привести у Ламеннэ к компромиссу меж-

* Павлов-Сильванский Н. П. Материалисты двадцатых годов // Бюллетень. 1907. 7/19.

** Ср. книгу Пирлинга «La Sorbonne et la Russie (1717—1747)» (Paris), 1882).

ду церковным учением и либеральными запросами современности, возбудило глубокий интерес в таком чутком к вопросам веры и в то же время глубоко понимавшем нужды русской общности, наделенном дальнзоркостью философа истории, мыслителя и наблюдателя жизни, как Чаадаев.

Наравне с Грибоедовым участник культурного обновления, которое в Московском университете начала века исходило от Буле и немногих других просветителей-иностранцев, в домашнем образовании усвоив в совершенстве французский язык, на котором впоследствии написаны были его произведения, и близко знакомый со всею новою литературой Франции, Чаадаев в светских и военных кругах Петербурга производил впечатление независимого, свободно развившегося, проникнутого политическим радикализмом, русского «Брута или Периклеса». Разрыв с военной карьерой и трехлетнее странствие по Европе (после отставки своей он задумывал выселиться <на всегда из России в Швейцарию) вывело его ум на достойный его простор. Недавно открытые признания его в дневнике, запись чтений и размышлений в области мистики*, показали, что, очевидно, под сильным влиянием болезни, вызывавшей приступы боли и отчаяния (*des assés de chagrin et de désespoir*), он прошел через переходный момент мистицизма, увлекаясь в особенности сочинениями Юнга-Штиллинга, но не замерли никогда в нем общественные интересы, а научная пытливость захватывала его все глубже, превратив для него житье на Западе в примечательное самообразование. Путешествие, начавшееся в Англии, провело его затем преимущественно по странам католическим, Италии, Франции. Париж, и в особенности Рим, стали для него излюбленными центрами культуры. Уравновешенное в немецком мире лишь влиянием Шеллинга, сумевшего оценить его феноменальные способности**, воздействие французской нау-

* В полнейшем, окончательном собрании сочинений и переводов П. Я. Чаадаева, изд. М. О. Гершензоном (1913—1914), напечатан производящий гнетущее впечатление «*Mémoire sur Geist(er)kunde*», с мыслями и изменениями, вызванными теорией «познания духов» Юнга-Штиллинга.

** В 1833 году в Мюнхене Шеллинг отзывался о нем князю Гагарину, впоследствии издателю его сочинений, необыкновенно сочувственно, называя его *un des hommes les plus remarquables qu'il eût rencontré* (одним из замечательнейших людей, которых он встречал. — *Примеч. сост.*). Ср. предисловие Гагарина к «*œuvres choisies de P. Tchaadaief*» (1862). В собрании сочинений Чаадаева, изд. М. Гершензоном, даны два письма к Шеллингу, 1832 и 1842 годов, и (очевидно, ответ философа на первое) одно письмо Шеллинга.

ки, во всех изгибах ее историко-культурной, философской и религиозной работы, от де Местра, Гизо, Кузена, Балланша до Ламеннэ, определило существенные стороны его культуры, наблюдения бытового и нравственного характера дали ей прочное основание.

Они внушили ему благоговение перед тою творческою религиозной силой, которая в течение многих веков руководила цивилизацией — фантазией величайших художников, поэтов, музыкантов, зодчих, мыслью созерцателей, волей народов и их вождей, создавала величественные массовые движения ради идеи, вела к подвижничеству, научала бороться с грубой мощью светской власти. Уныние и безнадежное сомнение (крайнее и одностороннее, как он сам находил впоследствии, и притом опиравшееся в фактическом отношении на слабую историческую нашу науку того времени) овладевало им при созерцании тусклого русского прошлого, скудного идеями, слабого в творчестве и религиозной мысли, воспитанного церковью в смирении, раболепии и безопасности, оторвавшегося от мировой культуры. Он погружался в размышления, сравнения, грезы, напоминавшие мечты Данта о великом призвании папы как пастыря человечества, вдохновляющего всех к правде, добру, законности и миролюбию. Для Чаадаева соединение церкви и народов представлялось не удовлетворением богословской потребности, но средством братски слить все племена ради высшей культуры, ради осуществления «Царства Божия на земле». Рядом со средневековым представлением о папстве у него выступает мысль об идеальной светской власти, о которой мечтали его французские друзья. Как у Данта просветленный папа сопоставлялся с императором, наделенным сходною, но вполне земною гуманною миссией, так у Чаадаева выступала могучая и светлая, идеализированная мирская власть. В просветительном перевороте, который он призывал для России всей душой, он ждал всего от сильной власти, которая смогла бы привить массе русского народа иные идеалы и слить его с Западом. В философской оценке судеб человечества мы встречаем у него восторженный панегирик Петру. Найденное в бумагах Третьего отделения письмо Чаадаева к Николаю, 1833 года, разъясняющее, как возможно было бы утвердить наше просвещение

Чаадаев встречался и беседовал с ним в Карлсбаде в 1825 г. Об их философском сближении ср. очерк «Шеллинг и Чаадаев» в кн. проф. Е. Боброва «Философия в России».

на национальной основе, и в связи с этим переписка с гр. Бенкендорфом, выставляющая параллель русской и французской образованности, позволяют думать, что он одно время возлагал великую миссию на Николая... Но Бенкендорф ответил грубым внушением о неприличии подобных рассуждений, письмо же к императору никогда не дошло по назначению.

Так зрели в уме одинокого мыслителя те взгляды, которые он развил три года спустя после возвращения в Россию (в 1829 году) в серии примечательных своих «Философических писем» (точнее, «Письмах о философии истории»), помеченных Некрополисом (городом мертвых), т. е. Москвой, и уже в рукописи начинавших волновать умы, прежде чем настал роковой час их обнародования. И если впоследствии обольстительно рисовались перед ним картины будущего обновления Руси*, мрачно и беспощадно смотрел он в «Письмах» на прошлое и настоящее (по первому же предложению Якушкина он вошел в состав Тайного Общества); его возмутило национальное самообольщение, называвшееся им худшим из наших пороков; когда нетерпимость к независимым мнениям осудила его на безмолвие, он в остроумных и полных иронии частных письмах осмеивал новейшее проявление нашего самомнения и резко восставал против Гоголя**, видя, что он своими учительными произведениями стал вторить народной гордости. Не учить других, а самим учиться и много работать над собой — казалось ему нашим уделом. Его своеобразный скептицизм, несомненно, увлекший многих в обществе гораздо ранее появления

---

* «Vous savez que, selon moi, la Russie était appelée à fournir une immense carrière intellectuelle, — писал он впоследствии Александру Тургеневу, — elle devait un jour donner la solution de toutes les questions qui se débattent en Europe» (*Чаадаев*. Сочинения. Изд. Гершензона, I, 181). (Знаете, что я держусь того взгляда, что Россия призвана к... необъятному умственному делу: ее задача — дать в свое время разрешение всем вопросам, возбуждающим споры в Европе. — *Чаадаев П. Я.* Полн. собр. соч. М., 1991. Т. 2. С. 22. — *Примеч. сост.*).

** О выразившемся с великой горечью в «Апологии сумасшедшего» антагонизме их, обозначившемся еще после появления «Ревизора», успех которого оскорблял Чаадаева, видевшего, как грубый смех «гистриона» увлекает людей, тогда как глубоко продуманная проповедь мыслителя вызывает гонение, ср. мою статью «Гоголь и Чаадаев» в «Этюдах и характеристиках» (1912, I); примечательно письмо к Вяземскому, вызванное появлением гоголевских «Выбранных мест из переписки с друзьями», характеризующих с едкой иронией новоявленного «крошечного наставника народов».

в «Телескопе», 1836 года, первого и единственного оглашенного в печати «Философического письма»*, был конечным результатом долгой умственной работы сосредоточенного мыслителя, склонного к парадоксам, которые не устояли перед позднейшей критикой и (в «Апологии сумасшедшего») подверглись со временем пересмотру и теоретической перестройке самого Чаадаева, прозревшего возможность самостоятельной культурной роли для своего народа, — все же первого во времени на Руси философа истории.

---

* Документы, найденные А. И. Кирпичниковым в Румянцевском музее, показали, что раньше этой даты, в конце 1832 г., Чаадаев подготовил уже к печати, и не на французском, а на русском языке, несколько философских писем. Цензура не разрешила этого издания [«Очерки по истории новой русской литературы» (1903). С. 131–133].